

ФРИДА РУБИНЕР

МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Империалистская война 1914—18 гг. прошла, не дав германской художественной литературе крупного произведения о войне. Антивоенная книга австро-венгерского писателя Андреаса Ляцко «Люди на войне» была рождена непосредственным ужасом перед окопной жизнью. Общественное мнение отнеслось к ней не как к литературному произведению, а как к пацифистскому памфлету. Кроме того книжка Ляцко вышла в Швейцарии и не получила значительного распространения в Германии. Почти одновременно с ней вышла книга Леонарда Франка «Человек добр», которую можно признать самым значительным произведением германской антивоенной литературы за время войны. Но книга Франка писалась под углом зрения человека, находящегося вдали от театра военных действий, в ней много надуманного; пацифистская сентенция настолько берет верх над художником, что Франк, наперекор здравому смыслу и несмотря на весь свой талант, впадает в лубочность. Так, например, в его романе война кончается тем, что массы, измученные войной дефилируют перед властителем, и он, охваченный любовью к народу, сливается с массами и заключает мир. (Бедный кайзер, во что превратили твой воинственный лик!) Книга Франка, несмотря на все свои недостатки, сыграла все же значительную революционизирующую роль в антивоенном движении Германии. В настоящее время эта книга почти забыта.

Германская литература военного и послевоенного периода не имела таких крупных антимилитаристских произведений, как «Огонь» Барбюса или «Похождения бравого солдата Швейка» Хашека. За все послевоенные годы вплоть до 1928 вообще не появлялось в печати литературных произведений, имеющих своей темой мировую войну. Казалось, будто побежденная буржуазная Германия нарочно старается забыть о войне: ни воспоминания, ни переживания «великого времени», кончившегося весьма плачевным крахом, не оставили заметных следов в изящной литературе. Тем знаменательнее, что в настоящий момент вдруг хлынул целый поток романов о войне. Ни в период, непосредственно следовавший за мировой войной, а лишь после относительной стабилизации германского капитала, писатели-беллетристы начинают описывать войну и стремятся показать нам лицо империалистской бойни. Происходит это в эпоху, когда германский капитал вышел на мировой рынок, и новый германский империализм, правда, еще на поводу у более мощных империалистских разбойников, занял определенное место в концерте мировой империалистской политики. Один этот факт, что новейшая литература о войне, вся эта серия военных романов, появляется к моменту укрепления Германии, как империалистского хищника, заставляет нас настораживаться. Является ли вся эта литература доподлинно обвинительным актом против резни народов, или же она, несмотря на все описываемые в ней ужасы, не что иное, как выражение буржуазного пацифизма.

Крупнейшим произведением, открывшим в прошлом году серию романов о войне, была книга Арнольда Цвейга «Спор по поводу сержанта Гриши»¹. Идея книги очень широкая, можно сказать, комическая. Автор рассматри-

¹ Arnold Zweig—«Der Streit um den Sergeanten Grischa». Gustav Kiepenheuer Verlag. Potsdam 1928.

вает маленькую судьбу русского военнопленного в Германии — Гриши Панрокина, как песчинку, микросмес среди микросмоса, среди вселенной. Первая глава романа начинается словами:

«Земля, tellus, маленькая планета, старательно описывает круги среди глубокого мрака, в недвижном холодном, холодном как лед, пространстве, которое нечто неведомое, эфир, пронизывает тысячами своих волн, движений, колебаний. Встречая на своем пути что-либо плотное и воспламеняясь от противодействия, они превращаются в свет, в электричество, в неожиданные действия, в губительные или благостные влияния. Окруженная плотной, тяжелой воздушной оболочкой земля на своем эпилептическом пути оставляет позади ту фазу, в которой ее северо-западная область дальше всего отстоит от источника жизни — солнца; непрестанно вращаясь, стремится она занять более благоприятное положение. И вот уже напряженнее бьют лучи великого зноя в пределы Европы. Начинает волноваться атмосфера, яростные ветры врываются отовсюду из холодных зон в более теплые области, и там, магически замороженное вновь возродившимся светом, все принимается двигаться и расти. Медленно поднимается волна жизни в северных странах, и в людях совершаются, как и каждый год, удивительные превращения.

Человек стоит в глубоком снегу...»

В этом вступлении, дающем вместе с тем представление о красоте и силе слога Цвейга, выявлено его отношение к герою, к людям вообще. На маленькой, висящей в необозримом пространстве земле, народы перессорились и затеяли драку. Ни кружение планет, ни ход небесных светил, ни времена года не изменились. Страсти, влечения, военные законы, довлеющие над людьми, остались в силе. Война, кровь, взаимное уничтожение, ненависть и любовь пройдут, — вселенная останется. Стоя на этой метафизической точке зрения, Цвейг не интересуется ни экономикой, ни социологией. Он ищет в человеке одну лишь душу и находит ее в замученном, расстрелянном военнопленном, в генерале, в чувствительной сиделке из знатной семьи, в честолюбивом офицере, в адвокате, в еврее-торговце, в русской бабе, рождающей в муках дитя, в смотрителе лагеря, в сторожах, в солдатах, врагах и друзьях. Все эти судьбы сплетаются в одну величественную эпопею. Сержанту Грише после трех лет плена хочется домой, на Восток. Вскользупоминается русская революция. Это как раз то время, когда в Петрограде солдаты стреляют в царскую полицию, Шлиссельбург взят, заключенных освободили, генералов арестовали, министров прогнали, и судьба России в руках Родзянко, Милюкова, Львова и Керенского. Гриша, пробирающийся через Восточную Пруссию и Литву под чужим именем, попадает, и начинается долгая борьба между военными и гражданскими властями — есть ли законное «право» на то, чтобы неизвестного Гришу лишить жизни. Борьба заканчивается не в пользу сержанта Гриши. Он должен сам вырыть себе могилу, в которую падает простреленный пулями. Гриша умирает не ропща, повинувшись непонятным и непреодолимым законам, параграфам и уставам. И автор, повествующий «объективно» о судьбе человечества, не ропщет, не протестует и не ищет выхода. Роман в сущности — глубоко фаталистичен. Мастерская композиция, широта замысла и красота рисунка не спасают полотна художника, так как автор хочет стоять над вещами, а не среди них.

Пацифизм Арнольда Цвейга носит отвлеченный характер, несмотря на то, что выведенные им фигуры взяты из жизни и в сущности ни к чему не обязывают. В конечном счете всеобъемлющая гуманность и Weltgeist Цвейга,

полупацифиста, полугегельянца, приводит к нейтральности и аполитичности, которая когда-то была отличительной чертой мужей науки и искусства довоенной Германии. Мы знаем, что означает эта аполитичность. Мы помним шовинистическую декларацию 93 известных ученых и литераторов Германии, которые в первые дни мировой войны поспешили пасть к ногам Вильгельма. Как бы значительны ни были литературные достоинства этого романа, он в идеологическом смысле принадлежит к тем продуктам расплывчатого буржуазного идеализма, который может нравиться эстетам капиталистического общества, но не пролетариату. Понятно, что книга Цвейга вызвала восторженные отзывы со стороны демократической буржуазной печати, но не нашла доступа в рабочие массы. Понятно также, что книга Цвейга была встречена сочувственно со стороны антантовской печати, бывших противников германского фатерлянда. Идеология книги Цвейга вполне подходит к политике Лиги наций, болтающей о мире и готовящей войну.

«Спор по поводу сержанта Гриши» — средняя часть «трилогии перехода, задуманной Арнольдом Цвейгом. В 1921 г. «Сержант Гриша» вышел в форме драмы.

Сенсацией сезона в области военных романов является книга Ремарка «На Западе без перемен»¹. За короткое время книга выдержала полмиллионное издание. Небывалый успех на литературном рынке Германии.

Кто такой Ремарк, и что такое его книга? Вместо посвящения книга носит следующие строки:

«Эта книга не является ни обвинением, ни признанием. Она — лишь попытка описать поклонение, которое было погублено войной, даже, когда его пощадили гранаты.»

Этими словами автор заранее слагает с себя ответственность за те антивоенные настроения, которые могут сложиться под влиянием его книги. И не мудрено: Ремарк сам работник печати архиреакционного Гугенбергского газетного треста. Когда книга вышла из-под его пера, Гугенберг отказался его печатать, пришлось обратиться к демократическому издательству треста Ульштейна. Книга сразу же обратила на себя всеобщее внимание и наделала много шума. Правая печать усмотрела в ней источник разложения, демократы восхваляли ее как верное оружие против грядущих войн. Мы не можем, конечно, согласиться ни с тем, ни с другим.

В противоположность Цвейгу Ремарк не задается целью описывать судьбу всего человечества. Он видит только конкретного человека, фронтового солдата в грязи траншей, с желудком пустым или наполненным бобовой похлебкой, с пайком папирос в ранце или без него, со всеми житейскими радостями и горестями новой, небывалой обстановки, называемой войной. Простым языком, не претендующим на художественность, он рисует этот своеобразный «быт». «Великое время» не сделало людей великими. Мюллеру так же хочется заполучить сапоги умирающего товарища, как раньше, когда они продавались в лавке. Этот же Мюллер потом, в свою очередь, умирает с новыми сапогами на ногах. За неимением более крупных радостей, у них есть свои маленькие удовольствия: еда, пищеварение, пищеварение и еда. Смерть ежеминутно витает над ними. Из числа нескольких молодых товарищей, отправившихся в 1914 г. на фронт, одного за другим

¹ Erich Maria Remarque. — «Im Westen nichts neues». Propyleum Verlag. Berlin. 1929.

выхватывают пули, гранаты и болезни. Эта двадцатилетняя молодежь еще не знала другой нормальной жизни. Во цвете лет, прямо со школьной скамьи, эти молодые интеллигенты были брошены в окопы для борьбы; за что, они и сами не знают, и они покорно несут свой крест. Жизнь тоскливая и мучительная. Однообразие и скуку прерывают незначительные переживания, которые у «нормальных» людей, в тылу, являются чем то обычным, но для них, фронтовиков, составляют событие. Женщина, свободный от смертельной опасности день — и они жадно ловят наслаждение, зная, что скоро оно кончится, а впереди — смерть! Чувство неминуемой гибели сторожит каждый шаг и наполняет грустью каждую минуту.

Ремарк мастерски умеет рисовать и людей и природу. Поразительны описания, как взрослые молодцы, для которых убивать стало привычным ремеслом, в частной жизни становятся беспомощны и наивны.

Однажды «герой» едет в отпуск. Он среди своих, но он их не понимает. В тылу говорят о «героизме», в солдатах непременно хотят видеть «железную молодежь», богатырей, его угощают и ждут от него героических рассказов, а он думает о своих товарищах на фронте, вспоминает мелочи фронтовой жизни, и ему тоскливо. Он без особой печали покидает тыл.

Книга Ремарка захватывает своей искренностью и правдивостью переживаний. Она полна грусти, как ненастный осенний день. Автор пишет:

Мы не надеемся на то, что когда-нибудь настанет конец. Так далеко мы вообще не заглядываем. Нас может настичь пуля, и мы умрем; мы может быть будем ранены, и тогда ближайший наш этап — это лазарет. Если не ампутируют конечностей, то рано или поздно попадешь в руки одного из тех штабных врачей с крестом за высшие заслуги в петлице, который скажет тебе: «Как, чуточку лишь укорочена нога? На фронте вам незачем бегать, если вы храбры. Годен! Ступайте!».

Книга кончается смертью последнего из тех товарищей, с прибытия которых на фронт начинается повествование. Жизнь погасла, нигде не видно никакого проблеска.

Мы, разумеется, не можем ограничиться подчеркиванием художественных красот книги Ремарка и должны задать себе вопрос: каков ее эффект? Как бы ни были потрясающи отдельные сцены, она, в конечном счете, сама по себе не действует как протест против войны. Она ограничивается передачей переживания. А переживания нанизываются на имеющийся идеологический стержень. Одно и то же переживание может вызвать и восторг и содрагание, смотря по тому, с какой точки зрения к нему подходить. В том-то и опасность всякого импрессионизма, что он глубоко субъективен и далек от всякой попытки материалистического миропонимания. Частью буржуазной молодежи книга Ремарка и была принята именно, как прославление товарищества на войне, в то время как пацифистские круги подчеркивали в ней моменты, возбуждающие отвращение к военной бойне.

На самом деле книга Ремарка характерна для буржуазной идеологии современной Германии, очутившейся в тупике. С одной стороны, последняя не может не видеть бессмысленности и ужаса империалистической войны, но в то же время она и боится назвать вещи своими именами и показать исход из создавшегося положения, так как этим она вынесла бы смертный приговор своему собственному существованию.

Книга Ремарка не только не оказывает революционизирующего действия, но для воспитания масс она прямо вредна тем, что ограничивается описанием одних только переживаний (Erlebnis). В конце концов, ко всякой

обстановке можно привыкнуть, а переживание, как самоцель — это преодоление всего отрицательного, как бы тяжело оно объективно ни было. Германская буржуазия смакует «На западе без перемен», как раз в тот момент, когда она строит новые крейсеры и изготавливает смертоносные газы для будущего похода против СССР. Лик войны, каким показал его Ремарк, «интересен», но не так уже отталкивающ и страшен!

То, что мы сказали о Ремарке, еще в большей степени относится к его вольным и невольным эпигонам. Небывалый успех «На западе без перемен» породил целую серию романов о войне. Одно германское издательство, специализировавшееся на этом жанре, успело даже обанкротиться. Из более значительных произведений этого рода, подтверждающих наш тезис, назовем два: «Пластырные ящики» А. М. Фрея и «Шлюмп» Эмиля Шульца¹. Первая книга, это описание пережитого на фронте служащим санитарной колонны, вторая — воспоминания фронтовика. И одна и другая ограничиваются описанием переживаний, которые, преподносимые в больших дозах, становятся однообразными и скучными. Шлюмп — молодой парень. Кроме траншей, французов и боев он описывает и любовные шашни. В конце концов вся война не представляет ничего страшного: все хорошо, что хорошо кончается. Шлюмп возвращается на родину жив и невредим, а на вокзале родного городка его ждет подруга сердца, Иоганна, и рука об руку они направляются к его мамаше, «которая в это мгновение и не подозревала, что пробил счастливейший час ее жизни».

Этот happy end² очень характерен для установки автора. Что же получается в конце концов, если не этакая «маленькая уютная война»?

Автор «Пластырных ящиков» смотрит глубже. Его герой, литератор по профессии, пройдя на протяжении 340 страниц через столько-то полевых канцелярий, лазаретов и... любовных ласк, начинает задумываться. Он вдруг вспоминает, что вот уже три года, как он болтается на фронтах.

«Три года! Много испытано. Все? Исписано несколько сот листов актов, и еще больше рапортов, у нескольких сот смерена температура и еще больше сделано перевязок, роздано несколько сот таблеток и еще больше сделано уколов. Зато первая ступень военной иерархии преодолена».

Он начинает бунтовать. Он наотрез отказывается вести дальше подобную жизнь. Он восклицает:

«Военная служба и война — пошлейшее, бесстыднейшее, глупейшее хамство в мире!»

Однако начальство не хочет губить этого санитаря, который три года был покорным орудием в лапах войны, и он безвольно покоряется и отправляется на другой пост. Пацифизма буржуазного писателя и здесь не хватило на какое бы то ни было выступление против войны.

Книгу Людвиг Ренна «Война»³ приходится особо выделить из всей военной беллетристики.

¹ А. М. Frey «Die Pflasterkästen». Gustav Kieperheuer-Verlag. Berlin. 1929.
Schlump Geschichten und Abenteuer aus dem Leben des unbekanntenen Musiketiers Emil Schulz, genannt «Schlump Kurt». Wolf Verlag, Munchen. 1929.

² Счастливый конец.

³ Ludwig Renn «Krieg», Frankfurter Sozietätsdruckerei. Frankfurt a/M. 1928.

Ренн тоже ограничивается одним описанием переживаний, он тоже не ставит точек над и, и не протестует против войны. Молодым фельдфебелем его мобилизуют в начале войны и он проходит все эти этапы фронтового солдата. То, что Ренна отличает от Ремарка, это та суровость, можно сказать, неумолимость к переживаемому, которая накладывает особую печать на всю его книгу. В ней значительно меньше «души», меньше утонченности и, пожалуй, меньше художественности, чем в книге Ремарка. Но литературная ценность произведения Ренна состоит именно в том, что он, постоянно стремясь абстрагироваться от своей личности, раскрывает лик войны таким, как он есть. Эта книга — документ. Страдания и бедствия фронтового солдата нигде еще не получили такого беспристрастного освещения, как в этой книге. Из этой книги никак уж нельзя сделать апофеоза войны, как бы ни старались об этом империалисты и их прислужники. Это — неприкрашенная хроника убийств, смертей, увечий, унижений человеческой личности, уничтожения человеческой культуры и истребления плодов труда.

Ренн подошел к своей задаче сквозь всю правду, не задаваясь целью сделать какие-либо выводы. Он сам образцовый солдат, он с восторгом принимает орден за отличие, но со страниц этой жестокой хроники звучит такой протест против империалистической бойни, что книга должна быть отнесена к разряду тех произведений, которые написаны против войны. Не удивительно, что Ренн, написав эту книгу, не остановился в своем развитии. Теперь тов. Ренн — член германской компартии. Надо думать, что те выводы против войны и против капитализма, которых Ренн не сделал в первом томе своей «Войны», будут им сделаны в дальнейших частях книги. Во всяком случае, Ренн — яркое явление в молодой германской литературе, и развитие его идет в направлении революции.

Все разбираемые до сих пор книги о войне, от Ремарка до Ренна, занимались исключительно временем войны, как отдельным инцидентом, оторванным от всего прошлого. Перед нами новый роман, показывающий развитие, ведущее к войне людей и события. Это прекрасная работа молодого поэта Эрнста Глэзера: «Призывной рождения 1902 года»¹. Автор, ведущий рассказ от своего имени, рисует жизнь юноши, родившегося в 1902 г. в зажиточной семье провинциального чиновника.

Перед нами проходит германская гимназия с ее муштровкой, мы видим ужас и чопорность германской провинции со всеми ее условностями. У мальчика, сына судьи, два товарища. Один из них — сын майора, другой — сын заводского рабочего. Майор — помещик-оригинал, тип своеобразного бунтаря-одиночки, какие порой встречаются на верхах буржуазного общества. Мальчик майора воспитывается свободно, он видит в своем отце «героя» и не считается с общественным мнением городка. Он берет под свою защиту преследуемого всеми гимназиста-еврея и демонстративно дружит с ним. Отец другого мальчика, рабочий металлист, тоже герой в глазах детей. Он — социалист, из «научного убеждения», читает Маркса, руководит забастовкой на заводе и уходит в тюрьму. Под влиянием этих персонажей складывается внутренний мир мальчика — героя рассказа.

¹ Ernst Glaeser: «Jahrgang 1902». Kieperheuer-Verlag. Berlin. 1929.

Половая жизнь это — «тайна», которую взрослые — народ коварный и злой — скрывают от детей. Чтобы проникнуть в эту «тайну», мальчик за две марки получает возможность, прячась за дверь, присутствовать при половом акте. Исполненный ужаса, чувствуя себя соучастником преступления, он, точно гонимый фуриями, пускается бежать и прибегает в свой город как раз в момент первого раската грома мировой войны: только что прибыла весть об убийстве в Сараеве эрцгерцога.

Всю вакханалию войны, предательство социал-демократов, разгул шовинизма, победу германского милитаризма, патриотический под'ем, — все это автор рисует, имея исходным пунктом переживания мальчика. Рабочий-социалист возвращается из тюрьмы к моменту мобилизации. Он радостно идет «защищать отечество». Борьбы классов больше не существует. Судья, присудивший его к тюремному заключению за стачку, попадает к нему, фельдфебелю, в роту, как простой солдат. Другой социалист, адвокат, постоянно утверждавший, что война невозможна, что рабочие на призыв к войне ответят генеральной забастовкой, пасует. Нигде нет спасения. Майора, который с самого начала предсказывает поражение Германии, убивают на войне. У рабочих начинается отрезвление. После двух лет окопной жизни металлист начинает понимать подлинную классовую подоплеку империалистической войны и снова принимается за чтение книг по социализму. Глэзер в своем романе сумел великолепно изобразить переход от обывательского восторга в первые дни войны — сперва к безразличию, затем к недовольству и жалобам и, наконец, к страстной жажде мира, когда война приняла затяжной характер, наступил голод, дети стали чахнуть, а с «поля чести» то и дело стали поступать сообщения с черной каймой.

Глэзер сумел кистью художника нарисовать простыми красками ту картину войны, которая памятна всем ее современникам. Молодому, послевоенному поколению, не переживавшему тех лет, эта книжка даст очень много.

Недостаток книги Глэзера состоит в том, что он не сумел найти положительного выхода. Произведение написано прекрасно, но конец слаб. Вернее сказать, роман вовсе не имеет конца. Автор не знал, чем закончить свой рассказ, и приклеил любовную историю с девушкой, которую случайно убивает бомба неприятельского летчика. Всякий, даже буржуазный читатель, отложит книгу в сторону, досадуя на это окончание. Глэзер не видит тех революционных сил в рабочем классе, которые готовят конец всем войнам. В его книге нет ни имени Либкнехта, ни Спартака. Развитие героя повести характерно для известного слоя современной буржуазной молодежи Германии, которая прошла через период войны. Они, эти молодые люди, пережили все ужасы империалистической войны, они разуверились в идеале своих отцов, ассесоров и статских советников. Они на перепутьи. Только немногие из них сумели найти дорогу к другому классу, пролетариату, которому принадлежит будущее. Эпидемия самоубийств среди молодежи, свирепствующая в настоящий момент в Германии, является лучшей иллюстрацией того идейного разброда, той безысходности, какими отмечена послевоенная идеология буржуазной Германии.

Идеологические недочеты сказались естественно на всем построении книги. Единственные места, где автор прибегает к анекдотичности, это фигурные листки, которыми он прикрывает свою идейную невыдержанность.

Эрнст Глэзер — молод. Нам остается пожелать ему, чтобы дальнейшее развитие его недюжинного таланта привело его к историческому миропониманию.

Буржуазная литература Германии не сумела создать произведения, со всей последовательностью обличающего войну. Она зашла в тупик, рисуя всю бессмысленность, все противоречия обстановки, созданной войной. Но она, как иначе и быть не могло, не сумела поставить проблемы войны в ее историко-материалистическом разрезе. Сама этого не подозревая, она становится звеном идеологической подготовки к новым войнам, так как, не борясь против войны, она популяризирует военные переживания, окутывает их своеобразной романтикой.

Антимилитаристский роман в германской литературе еще не написан. Это — задача революционных пролетарских писателей Германии.

Берлин

Франциска Гойа

Из цикла «Ужасы войны»